

СТИХИ ПОЭТА-ПАТРИОТА

Передо мною портрет Юлиана Тувима. Такими, погруженными в свои мысли, в мысли о чем-то большом и важном для людей, предстает поэт перед читателями на первой странице сборника его избранных произведений, изданных в 1953 году, в Варшаве. Это — последняя книга, вышедшая в свет при жизни поэта. Её можно называть итогом его жизни, но это было бы неверно. Не итог, а сама жизнь. Она остается с нами теперь, как живой Юлиан Тувим — старый друг, внимательный собеседник, верный товарищ, с которым делился и радостью и горем.

Масштаб деятельности Юлиана Тувима трудно характеризовать в коротком перечислении сделанного. Но я помню, как Манковский после одной из поездок за границу сказал, что у нас там есть друг, который не изменил поэзии, а значит, не изменил и революции. С тех пор в мои память вошло имя Тувима. Манковский не ошибся. В труднейшие годы испытаний, когда Тувиму пришлось покинуть родину, он там, в далекой стране,

Мой стих из горьких скорбей, как зданье из кирпичей,
Мой стих из дубовой тоски, как стол из тяжелого дерева!
Русалка над лепетом вод печальную песню поет,
Чуть слышно поет у приваленского берега;
Поет о том, что Бислы течет, влечет и струится,
А то, что неуносимо, в глухих глубинах таится.
Ты, стих мой, — косы ее сребристо-скрученной сплетенье,
Косы ее, натужно скрученной, вымыты в пески,
Ты, стих мой — родник, пробивающийся сквозь каменья,
Сквозь заслоненную кору тоски.
О стих, из основок, руин и обломков
Отгнаны моей и молодой моей,
Возники опять и приобрети свою громкость,
Сверкни семидеятъем больших человечьих страстей!
Дерзай, распрыгайся, тянись струны напряженiem
До дней Там, дней Дома, дня дальнего Родины,
Ты слышишь, ты слышишь, как Бислы струются
теченые.
Пусть снова твоими шагами ее берега будут пройдены.
Раскройтесь скорей, пересохшие губы строк,
Глотайте и пейте родной животворный поток.
Два имени лучших — достойны прекраснейших книг:
Польша, что речью свою меня воспитала,
И мать, что в детстве одни только просьбы слыхала,
К чьим колыбельным напевам младенец привык.
Мати! Какие ты песни мне неизнаные пела!
Они еще и посейчас шумят в седой голове,
А малычику — громом кудеснико мазурка гремела,
Жарким окном сердце осеняла навек.
Ты, что меня научила молитвам,
А позже — Мицкевича пламенным ритмам,

На том же польском родном языке,
На котором, от горя поникнувшим немо, в великой надежде и в смертной тоске
В два слова пытаюсь вложить я поэму
О том, что — «Бислы текут... Бислы текут...»
Мать моя, речь моя, моя Отчизна,
Мон единые, трижды любимые!
Бьюсь и борюсь: «Бислы текут!»
Сердцем к ней рузы: «Бислы текут!»
Перед поззней, чутко внимающей,
Как перед судом, я правдиво показываю:
— Этот язык я, вспахавший до дна,
Знаю, где камень, где почва видна,
Знаю, где уголь залег, где алмазы.
Я, кто в лукошко сбирал его ягоды,
Плавая росы отражаемых яхонты, —
Почвы его самородный блеск
Справил с грунтом дюжинами мест,
Мест, где просторы многими милями
Полных яркого юнного лета
Плотные листья растений Бразилии,
Трава Массачусетса, лес Уайт-Плейнса
Я, всплеснувшись в жизнь языковых корней,
В глянец листа и в коры тепла,
Я, знающий путь к его тайнам, верней,
Чем пчелы лесные в свое дупло,
Я, точность слов ловящий жадней,
Чем губы соревнующую мякоть черешни,
Говорю, — что радостней и полней
На польском не слышал песни.

Отрывок из поэмы, написанной в первом ноября 1940 г. — июль 1944 г. Рио-де-Жанейро, Нью-Йорк

ЗА ПОЛИТИКУ ЗДРАВОГО СМЫСЛА

Одной из важнейших международных проблем последних лет стала проблема признания законных прав Китая, признание его роли великой державы. Участие Китайской Народной Республики в международных переговорах могло бы способствовать уменьшению напряженности в международных отношениях, упрочению мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

Доказывает, что без участия нового Китая и тем более против его интересов нельзя успешно разрешить ни одну важную международную проблему, в особенности в Азии и на Дальнем Востоке — значит ломиться в открытые двери. Это подтверждается самой жизнью. Известно, например, что окончание войны и заключение перемирия в Корее было достигнуто, прежде всего, в результате инициативы Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики.

Мне не привелось лично познакомиться с Юлианом Тувимом. В последние годы он тяжело заболел, сидя на своем месте, как будто я написал собственные стихи.

Когда мне в первый раз предложили перевести стихи Тувима, я поразился точностью их лирифики, как поражающую чеканкой впервые увиденных образцов работы Челинки. И с огромным чувством удовольствия я переведил тогда «Сирен», «Кампию», «Строфы о позднем лете». Они мне были так по душе, как будто я написал собственные удачные стихи.

Николай АСЕЕВ

ДОЧЕРИ В ЗАКОПАНЕ

Кланяется, доченька, поприветствуя ручкой Горы Закопанские, стой их горделивые. Кланяется лазури, ослепленные лучами. Кланяется жизни, новой и счастливой.

Кланяется птичке, вставшей спозаранку. Звездам, что хитро так подмигивают ночью. Все это твое уже, юная грацианка. Молодой Республики — Польши рабочей.

Твой отец когда-то теми шел снегами, По просторам жгучим краля тенью. Словно зверь, преследуем, оглушен врагами:

— Уходи, нездешний! Уходи, бездомный!

Над отцом зловеще каркал черный ворон, В тупики январские выоги загоняли. Царство безнадежности.. И глядел в простор отца — До заветной цели он добьет едва ли!

Ручкою коснувшись неба голубого, Лодзи фабричной поклонись с обрыва. Ты с вершин высоких, с «Ока Морского». Горнякам Силезии улыбнись счастливо.

Громко крикни синим высоким поднебесным Ты свое «Всегда готов!» — пионерским кличем. Кланяется маленьким людям из неизвестных. В них, дочурка, наша гордость и величье.

Кланяется учительница, что в платке и ватнике По морозу жгучему поспешает в школу. И приветствуя, доченька, скромного печатника Польской Республики — светлой самой веселой.

Гевонт недоступный! А под ним в низинах Времени потоки и столетий реки.. На вершинах горных думай о долинах. Среди скал безжизненных помни человека!

Ты пройди по Польше, ты иди к восходу. Встретят мою девочку народ — освободитель. Положи цветочек там, где для народа Жил Владимир Ленин — друг наш и учитель.

Кланяется вершинам, древним и могучим, Кланяется рассвету над родной Огинской, Солнечной лазурью, ослепленными лучами. Кланяется прекрасной закопанской жизнью.

Смолуда там был я, мед-типо пивал я, Сказки и цимбалы слушал до рассвета. Там, моя дочурка, чуть в бездну не упал я. Где на дне скопилась старых лавров ветощь.

Ты приветствуя, доченька, молодость рассвета, Пред которой робко отступает тьма, И вернись обратно, солнцем согрета. В светлую Варшаву — светлая сама!

Перевод М. СВЕТЛОГО
Первый опубликован в польской печати 20 января 1952 года.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгизета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Международная почта

РЕВАНШИСТЫ ПОЮТ ХВАЛУ ВЕРМАХТУ

Газета западногерманских милитаристов «Дейче зольдатенштинг» только что начала публиковать серию статей, озаглавленных предельно откровенно: «Слава немецкому танковому оружию». Это еще один пример разнознанной пропаганды боинской клики, которая день ото дня становится все наглее и наглее.

Из вступления, предваряющего первую статью, выясняется кое-что о личности автора — отгетого гитлеровского генерала Неринга. Тут же, между прочим, помещен и его портрет. У Неринга — обычная карьера прусского милитариста, верного служки фашистского «крахта». В 1940 году он участвовал в нападении на Францию в качестве начальника штаба танковой группы Гудериана. В 1941 году он командовал 18-й танковой дивизией на советско-германском фронте и за кровавые «заслуги» был награжден. Сейчас Неринг является одним из руководителей западногерманского предприятия «Дейче крафтвэрк в Дюссельдорфе».

Зачем публикуются статьи Неринга? Газета «Дейче зольдатенштинг» отвечает с целью извлечения «куроков для будущего». Суровые уроки недавнего прошлого явно не пошли впрок фашистским генералам! И поэтому будущее рисуется им так: агрессивный вермахт, которому поет хвалу генерал-реваншист Неринг, марширует опять по чужим городам и странам.

Некоторым любителям военных авантюризма придется вновь и вновь напомнить, что всякая попытка агрессии окончится для них плачально.

Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что судьи западногерманского города Augsburga не давно попали в несколько затруднительное положение: на скамью подсудимых сидел (на восемь лет позже, чем полагалось бы) находившийся во время на свободе гитлеровский полковник Ом, который расстрелялся, по словам немецкой газеты «Берлиннер штутгарт», 16 жителей города Пенциберг, выступивших в апреле 1945 года за немедленную капитуляцию Германии.

В затруднительном положении, рассуждала посторонний наблюдатель, оказались аугсбургские судьи не потому, что преступление Ома было спорным, а, наоборот, потому что оно — с точки зрения честных людей — было бесспорным. В бонишской судьи, включая женщин и детей, даже не были впущены в помещение; они мерзли на тротуаре в ожидании ответа.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не в том, что открыли на несколько дверей на поруки под залог.

Жители Глазго, возмущенные этим предрасудительным оперением полиции, направили делегацию к городским властям.

После трехчасового пребывания в камере полицейских участков «сквоттеры» были доставлены в суд. Арестованные заявляли, что они виновны, но не